

человеческое и античеловеческое. Человеческая жизнь из хаотического потока переводится культурой в «колебание, удерживающее равновесие благодаря непрерывному движению, порыву и направленности человека, активности и стандартам его действий» [6, с. 203]. Антропологическая сложность возникает на пересечении культурогенного и антропогенного, обретая присущие сложности характеристики.

Традиционно культура отождествляется с социальным гомеостазом, который собственно сама и обеспечивает. Но с гомеостатическими свойствами культуры трудно сочетается, например, ее творческая сущность, поскольку творчество есть инновация, в которой по особому сопряжены созидание и разрушение. В связи с этим в анализе антропологической сложности следует различать состояния стабильности и нестабильности, устойчивости и неустойчивости, в которых человек и культура репрезентуют себя и взаимодействуют по-разному.

Рассмотрение антропологической сложности как самоорганизующейся дает возможность объединить эти базовые состояния. Быть для человека означает не только постоянное существование, самоподдержание и самовоссоздание, но и изменение, рост хаоса, нарушение равновесия, без которых невозможно становление. То есть не только устойчивое развитие, но и кризис является атрибутом человеческого бытия, в условиях которого оно становится бытием «на грани» с рисками самоутраты, выхода за пределы антропокультурного, но благодаря этому способно обновляться.

Что для понимания человеческого бытия дает концепт антропологической сложности? На наш взгляд, это возможность выявления того, как

возникают человеческие бытие-образующие начала, если человек способен не только создавать, но и разрушать, не только сохранять, но и переосмысливать, изменять «человекозащитные» императивы. В поиске ответа на этот вопрос может помочь выстраивание антропосоциокультурной онтологии как онтологии сложности «снизу», в том числе и с помощью методов гуманитарного знания, исследующих феномены индивидуально-личностного бытия человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Постнеклассика: философия, наука, культура* : коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб. : Изд. дом «Мирь», 2009. – 672 с.
2. *Киященко Л. П.* Беспокійство становлення цілостністю. Варіації на тему трансдисциплінарності [Електронний ресурс] / Л. П. Киященко // *Вопросы философии*. – 2015. – № 11. – С. 76–86. – Режим доступа : <http://vphil.ru>.
3. *Морен Э.* Метод. Природа Природы / Эдгар Морен ; пер. и вступ. статья Е. Н. Князевой. – Изд. 2-е, доп. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 488 с.
4. *Князева Е. Н.* Інноваційна складність: загальна методологія і способи організації когнітивних, комунікативних, соціальних систем / Е. Н. Князева // *Інноваційна складність*. – СПб. : Алетейя, 2016. – С. 38–100.
5. *Табачковський В. Г.* Полісутнісне homo: філософськомистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності» / В. Г. Табачковський. – К. : Видавець ПАРАПАН, 2005. – 432 с.
6. *Людина в есенційних та екзистенційних вимірах* / В. Г. Табачковський, А. М. Дондюк, Г. І. Шалашенко [та ін.] ; НАН України ; Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди. – К. : Наук. думка, 2004. – 246 с.

Поступила 10.10.2016

Рецензент д-р філософ. наук, доц. В. Б. Ханжи

УДК 115:165.6.001.891.57

В. Б. Ханжи, д-р філософ. наук, доц.

ЭПИСТЕМНО-ПАРАДИГМАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ

Одесский национальный медицинский университет, Одесса, Украина

УДК 115:165.6.001.891.57

В. Б. Ханжи

ЭПИСТЕМНО-ПАРАДИГМАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ

Одесский национальный медицинский университет, Одесса, Украина

В статье показаны методологические возможности эпистемно-парадигмального моделирования времени. Через выявление конкретных парадигм бытия и времени, сформировавшихся в эпистемах античности, средневековья и Возрождения, а также XVII — нач. XXI вв., реконструирована онтологическая линия артикуляции времени.

Онтологической образцовой модели противопоставлена антропологическая парадигма времени, в рамках методологической реконструкции которой автор будет осуществлять дальнейшую разработку концепции антропного времени и исторического процесса.

Ключевые слова: эпистемно-парадигмальное моделирование времени, онтологическая парадигма времени, антропологическая парадигма времени, концепция антропного времени и исторического процесса.

In the article the methodological possibilities of epistemic-paradigmatic modeling of time are shown. By detection of specific paradigms of being and time, formed in the epistemes of antiquity, the Middle Ages and the Renaissance, and also XVII — beg. XXI c., the ontological line of articulation of time is reconstructed.

To the ontological exemplary model the anthropological paradigm of time is contraposed, and through its methodological reconstruction the author will be executing further development of the concept of the anthropic time and the historical process.

Key words: epistemic-paradigmatic modeling of time, ontological paradigm of time, anthropological paradigm of time, concept of the anthropic time and the historical process.

Проблема выявления методологического потенциала парадигмального и эпистемного моделирования (с явным доминированием исследовательского интереса в пользу первой предметной области) является одной из самых обсуждаемых в среде философов и методологов науки. Особенно выделяются в этом смысле труды Т. Куна (достаточно интересна эволюция взглядов мыслителя от самой известной его работы, «Структура научных революций» [5], к работам начала 90-х гг. прошлого века) и М. Фуко («Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» [15]), ибо они послужили отправным пунктом для исследователей, обращающихся к проблематике парадигмальной и эпистемной (соответственно) реконструкций. Значимые изыскания в этой предметной области только в последней трети XX в. — нач. XXI в. были предложены такими западными учеными, как Дж. Александер, Дж. Баркер, Р. Будон, М. Вартофский, П. Вен, Дж. Р. Вильямс, Б. М. Вильямс, Р. Л. Кози, И. Лакатос, Х. В. Патнэм, К. Поппер, Г. Ритцер, А. Тьюдор, С. Тулмин, П. Фейерабенд, а также исследователями советского и постсоветского пространства Н. С. Автономовой, В. И. Аршиновым, А. И. Афанасьевым, Л. Н. Богатой, В. П. Визгиным, Р. А. Вихалеммом, В. Э. Войцеховичем, М. С. Дмитриевой, В. И. Кураевым, Л. А. Марковой, С. Р. Микулинским, Р. В. Светловым, В. С. Степиным и др. Ряд ученых (Дж. Боррадори, А. М. Израилевский, Л. С. Клейн, И. В. Поляков) в своих исследованиях осуществляют сравнительный анализ возможностей методологического приложения понятий парадигмы и эпистемы, однако при этом практически отсутствуют работы, в которых была бы осуществлена попытка совмещения заявленных вариантов реконструкции — попытка эпистемно-парадигмального моделирования.

В одной из предыдущих статей [19] мы обратились к вопросу об исследовательских возможностях, которые открывает указанный способ методологической реконструкции, в частности, *эпистемно-парадигмальное моделирование времени*. Понятие парадигмы было использовано для обозначения сформировавшихся в тех или иных периодах образцовых моделей бытия и времени. При этом сами эпохально-культурные условия

становления мышления, своеобразные «конфигурации знания» [15, с. 67], которые подготовили выкристаллизацию парадигм в тот или иной период, были обозначены понятием эпистемы.

Данная статья посвящена дальнейшей разработке поднятой проблемы. Изначально следует обратить внимание на то, что в истории философской и научной мысли о времени неувядающей актуальностью наряду с традиционным вопросом о том, *что* есть время, всегда обладали вопросы о том, *как* оно есть и *как* его понимать? Такая ситуация позволяет выдвинуть гипотезу о существовании магистральных методологических линий осмысления времени, служащих тысячелетними образцами для новых поколений исследователей. С целью проверки этой гипотезы нами будет осуществлена двухэтапная методологическая реконструкция. Во-первых, это эпистемно-парадигмальное моделирование, суть которого — в выявлении онтологических моделей (парадигм бытия и времени) периодов античности, средневековья и Возрождения, а также XVII–XXI вв. с учетом культурно-исторического (эпистемного) контекста этих эпох. Во-вторых, это парадигмальная реконструкция на более высоком уровне абстрагирования, которая, полагаем, позволит выявить и обосновать фундаментальные линии артикуляции темпоральной проблематики трансэпохального и транскультурного характера: онтологической парадигме времени будет противопоставлена антропологическая парадигма времени.

Таким образом, **цель** статьи — выявление методологических возможностей эпистемно-парадигмального моделирования времени через реконструкцию конкретно-эпохальных парадигм бытия и времени, а также трансэпохальных фундаментальных моделей осмысления темпоральной проблематики — онтологической и антропологической парадигм времени.

Реконструкция онтологической парадигмы времени, представленной в качестве историко-философской антитезы антропологической парадигме времени, реализуема двумя способами:

1) через выведение стержневых положений в понимании времени из господствующих в соответствующем эпистемном контексте парадигм бытия;

2) на основании выявления непосредственно онтологических парадигм времени, т. е. концепций или теорий, которые на определенном этапе выполняли функцию образца постановки и решения соответствующих задач.

Концептуально определяющей принадлежность рассматриваемых учений к онтологической парадигме времени является ключевая аксиома (позиционируемая эксплицитно или присутствующая имплицитно) о фундированности времени бытием, потенциями мира. Итак, моделируя парадигмы бытия и времени в рамках эпистем: а) античности, б) средневековья и Возрождения, в) XVII — нач. XXI вв., мы осуществим методологическую реконструкцию на более высоком уровне (метауровне) абстрагирования — моделирование онтологической парадигмы времени.

В античной эпистеме оказывается возможным выделить две линии философствования — парадигмы бытия: парадигму статичности и парадигму динамичности, исторически соотносящиеся по принципу параллельности (т. е. развивающиеся и функционирующие в режиме сосуществования в одной эпистеме или в ряде эпистем). Согласно первой парадигме, вытекающей из учения Парменида (центральной установкой которого является тезис «Есть бытие, а небытия вовсе нету; здесь достоверности путь, и к истине он приближает» [1, с. 295]), бытие статично и неизменно. Мысль о единстве бытия автоматически приводит и к утверждению его единственности, поскольку оно, объединив в себе все, не оставило вне себя ничего. В качестве одного из профилирующих положений парадигма статичности (взгляды, подобные парменидовским, выражали элеаты Мелисс и Зенон, а также Платон, Архимед и др.) содержит тезис об «элиминации» времени. Статичное, неизменное бытие не относится ни к прошедшему, ни к будущему, к нему приложима лишь конструкция *есть*.

Дальнейшая разработка установок парадигмы статичности осуществлена в учении Платона. Сопоставляя категории «вечность» и «время», философ подчеркивает принципиальную разобщенность сфер их культивации. Временная означенность сфер чуждая истинному миру неизменных идей, есть профиль вторичного мира. Время как движение, исчислимое «от числа к числу», сотворено Демиургом с целью уподобления вещей и Космоса в целом их духовным образцам. Попытка мыслить сквозь призму той же категории о мире духовных праобразов, относя их к той или иной фазе времени, коренным образом исказит их сущность. Поэтому нетленные сущности исключительно *есть*. У Платона по этому поводу находим: «... Тому, что вечно пребывает тождественным и неподвижным, не пристало становиться со временем старше или моложе, либо стать таким когда-то, теперь или в будущем, либо вооб-

ще претерпевать что бы то ни было из того, чем возникновение наделило несущиеся и данные в ощущении вещи» [9, с. 419].

Вторая парадигма, которая берет свое начало от Гераклита (его идеи унаследовали Кратил, Анаксагор, Эмпедокл и др.), напротив, указывает на динамичность, текучесть мира. В изречениях философа из Эфеса показано противоположное элейскому — динамическое — видение мира: «Все течет, все меняется», «В одну и ту же реку нельзя войти дважды...» [цит. по: 6, с. 49]. Климент приводит следующие слова мыслителя: «Этот космос... всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим» [цит. по: 1, с. 275]. В понимании Гераклита, вечная порождающая активность первоначала-огня обуславливает соответствующую характеристику мира как событийного, текущего. При такой онтологической установке формируется и соответствующее представление о времени. Несмотря на то, что специально разработанной категории времени у философа нет, следует отметить, что время в такой модели имплицитно выступает атрибутом, определяющим качеством бытия. Впоследствии через понятия «время» и «становление» философами, мыслящими в рамках этой парадигмы, осуществлялись попытки выразить не свое субъективно-иллюзорное представление о мире и не то, что характеризует пребывание конкретных вещей на фоне вечного и неизменного, а сущностную сторону самого бытия.

В качестве опосредующей парадигму статичности и парадигму динамичности представлена концепция Аристотеля. С его точки зрения, недостаток первой модели — в недооценке действующей причины мира и элиминации времени, вторая ущербна аксиоматизацией относительности и темпоральной деконкретизации мира и его состояний. Признавая постоянное развитие мира, философ предлагает сущее рассматривать и как наличествующее, и как становящееся. Если Гераклит, который указывал на текучесть и изменчивость мира, понимал Универсум не как совокупность вещей, а как совокупность событий, то Аристотель идет дальше. Мыслитель вносит в философское знание новый элемент: мир (Космос) есть и, при этом, он — потенция по отношению к самому себе измененному (через фрагмент времени). Различение в движении предыдущего и последующего состояний дает представление о времени. Время, выступающее как число движения («число считаемое» [2, с. 149]), то есть математически выраженное объективное свойство течения тех или иных процессов, оказывается в концепции Стагирита ключевым понятием.

Чрезвычайно важно, и это особенно подчеркнуто М. Хайдеггером [16], что признаком категориального аппарата античной онтологической мысли является то, что отношение человека к бытию, которое формируется через его присутствие

в мире (Dasein), устранено из содержания этих категорий. Не стало в этом смысле исключением и понятие времени: оно приобрело ярко выраженную онтологическую характеристику и оказалось полностью лишенным всякой антропологической определенности.

Наиболее показательными в ракурсе нашего исследования моделями в эпистеме средневековья и Возрождения, полагаем, являются теистическая и пантеистическая парадигмы бытия, которые, с учетом парадигмальных построений античной мысли, соотносятся по принципу параллельности последовательности (вторая парадигма сосуществует со сменяющимися друг друга родственными парадигмами перипатетизма и теизма).

Теистическая парадигма, сформировавшаяся на основе платонизма, перипатетизма, неоплатонизма и, в первую очередь, ветхозаветного Писания, развивается в учениях подавляющего числа мыслителей средневековья: Августина Аврелия, Ансельма Кентерберийского, Петра Ломбардского, Альберта Великого, Бонавентуры, Фомы Аквинского и многих других. В ее сердцевине — идея трансцендентного Бога, который породил природное бытие «из ничто» и чья активность выражается в постоянном созидании новых форм. Так, Аврелий Августин, опираясь на Священное Писание, постулирует отсутствие у Бога любого субстрата, из чего можно было бы создавать, поэтому необходимо признать, что Всевышний творит мир *ex nihilo* исключительно Словом, совечным с Ним. Обращаясь к категории времени, Августин преодолевает противоречия, связанные с деятельностью Бога «до» начала Творения [13, с. 219–221]. Говорить о том, что Бог по времени и во времени опережает свое творение, значит рассматривать вечность локальное время. Таким образом, понятия прошлого и будущего не применимы в характеристике Бытия Божьего, для Него есть только вечное «сегодня»: «Коли ж... до створення неба і землі зовсім не було часу, то чому ж писати про те, що Ти “тоді” робив? Там, де не було часу, не було ще й “тоді”» [13, с. 221].

Само время Августин понимает субъективистски — как протяженность духа (память, внимание, ожидание). Фома Аквинский пишет, что Всевышний как Сущее-само-по-себе обладает бытием в абсолютном смысле. В то же время мир — также сущее, но вторичное. Именно исходя из определенных качеств и особенностей природного мира, Фома развивает логику своих пяти доказательств Бытия Бога как его Творца [14, с. 25–27]. Эти доказательства несут в себе толкование соотношения вечности и времени. Через утверждение темпорального отставания акта от потенции, неодномоментности причины и следствия, невозможности постоянной пролонгации существования мира только на основании наличия сменяющихся друг друга тленных вещей, каузальной вызываемости различных степеней совер-

шенства, привития целей объектам мира философ указывает на наличие в телах особого, временного, качества. Темпорально озаменованным является все сотворенное, что принципиально отличает его от носителя атрибута вечности — Бога. Кроме того, в средневековой категории времени получила историческую и телеологическую интерпретацию. Согласно этому послы, все созданное, имеющее начало, будет иметь и конец, и эта конечность в результате выливается в светопреставление, конец истории.

Специфика пантеистической парадигмы бытия — в элиминации трансцендентности Бога по отношению к природе: природа тождественна Богу как Его эманация. Пантеистическая парадигма в различных формах находит свое отражение в трудах таких средневековых авторов, как Иоанн Скот Эриугена, Амальрик Бенский, Давид Динантский, Мейстер Экхарт и др. Еще ярче идея отождествления Бога и мира представлена в период Ренессанса: среди множества подобных онтологических систем выделяются учения Николая Кузанского, Джероламо Кардано, Франческо Патрици, Джордано Бруно.

Так, Иоанн Скот Эриугена утверждает, что творение со-вечно и единосущностно Богу. Слияние субъекта и объекта в Едином не противоречит положению о Творении Богом всего сущего, ибо в данной парадигме оно означает Его имманентность всему [приведено по: 1, с. 792]. Бруно, критикуя перипатетическое учение о четырех причинах бытия, преодолевает их дискретность. По его мнению, действующая (Всеобщий Ум), формальная (образец, замысел) и конечная (цель) причины слиты. Полученная триединая причина «растворена» философом в четвертой — материальной. Иными словами, природа является одухотворенной, или Бог опредмечен в объектах природы (“*Natura est Deus in rebus*” [3, с. 162]). Пантеистическая парадигма исключает возможность понимания Единого сквозь призму категории времени: его атрибутом является вечность. Временная характеристика используется только в отношении конкретных объектов, выражая отличие и преемственность их состояний, длительность процесса от этапа возникновения до этапа прекращения существования. В ее рамках исключается темпорализация мира, ибо он не создан и обречен претерпеть светопреставление, а со-вечен Богу.

Особенности эпистемы XVII–XXI вв. позволяют реконструировать противопоставляемые на разных основаниях субстанциальную и реляционную парадигмы времени, а также парадигмы обратимости и необратимости.

Субстанциальная (ньютоновская) парадигма (классический период) фундирована положением об абсолютности времени и пространства, представляющих собой глобальные «вместилища самих себя и всего сущего» [7, с. 32]. Временная суб-

станция своим равномерным течением сопровождает Вселенную, бесконечность которой концептуализирована в теории гравитации И. Ньютона. Ученый утверждает, что течение абсолютного времени не зависит ни от ускорения либо замедления движения тел, ни от процессов, происходящих в самих телах. Длительность существования вещей — константа. Среди последователей этой парадигмы отметим таких выдающихся ученых, как И. Г. Ламберт, Ж. Л. Лагранж, П.-С. де Лаплас, Л. Больцман, К. В. Л. Шарлье, в последние десятилетия — К. П. Бутусов, А. П. Левич, Л. С. Шихобалов, М. Х. Шульман и др.

В основании реляционной парадигмы времени — положения специальной и общей теории относительности (СТО и ОТО) А. Эйнштейна (неклассический период). Согласно этой модели, время (как и пространство) относительно, оно выступает как параметр, характеризующий особенности движения материальных объектов. В СТО Эйнштейн отвергает ньютоновские понятия абсолютного времени и абсолютной одновременности событий, разделенных пространственно. Используя так называемые преобразования Лоренца, он сочетает специальный принцип относительности и принцип постоянства скорости света. Очень важно одно из положений СТО, согласно которому с увеличением скорости движения объекта течение физических процессов и ход часов относительно системы наблюдателя замедляются [20, с. 184].

Согласно Эйнштейну, ОТО основывается на следующих положениях:

— во-первых, гравитационные уравнения этой теории могут быть применены в отношении любой системы координат;

— во-вторых, они являются структурными законами, с помощью которых осуществляется описание изменения поля тяготения;

— в-третьих, реальность является принципиально «неевклидовой».

В рамках ОТО в силу значимости фактора притяжения девальвируются идеи непосредственности и конкретности координат пространства и времени (в физическом смысле) [21, с. 424]. Среди адептов реляционного подхода выделим таких деятелей науки, как В. де Ситтер, А. А. Фридман, Г. Вейль, М. Борн, В. К. Гейзенберг, К. Ф. Гедель, Р. Ф. Фейнман, Дж. Л. Синг, Д. Д. Бом, Р. Пенроуз, С. Хокинг, В. В. Аристов, А. Д. Арманд, Ю. С. Владимиров, Ю. И. Кулаков, С. В. Мейен, А. А. Шаров и др.

Следует отметить, что, несмотря на доминирование реляционной парадигмы времени, субстанциальная парадигма продолжает свое становление по настоящее время (принцип параллельности эпистемного соотношения парадигм).

Переходя к сопоставлению парадигм обратимости и необратимости, следует отметить, что первая из них является эпистемной особенностью

классической механики, которая понимала мироздание как абсолютно симметричную в аспекте направленности времени систему. Эта симметричность вытекала из позиции жесткого детерминизма, принципиально включенной в классическую картину мира. Детерминистская логика внушала уверенность в том, что изменение векторов сил, действующих в системе, на 180 градусов заставит систему двигаться в обратном направлении, причем различием механического перемещения в пространстве и движения во времени физики себя не обременяли.

Классический этап примечателен открытием, которому суждено было стать одним из оснований идеи «стрелы времени» на более поздних этапах эволюции науки — введением Р. Клаузиусом в научный тезаурус понятия энтропии. В рамках неклассического типа рациональности была принципиально отвергнута жестко детерминистская установка («лапласовский детерминизм») — в научном обороте укоренилось вероятностное описание. Тем не менее господствующей оставалась парадигма обратимости: ученые продолжали отрицать реальность необратимых процессов.

Парадигма необратимости — порождение третьего, постнеклассического, этапа современной эпистемы. Она оказалась практически несовместимой со старой исследовательской программой (соотнесение парадигм по принципу последовательности: одна фундаментальная модель сменяется другой совокупностью взглядов и убеждений, полностью или в значительной мере исключаяющей прежнюю). Охватив сначала естественные науки, новая парадигма заняла ведущие позиции и в гуманитарном знании. Заслуживают внимания работы таких ее адептов, как В. И. Аршинов, О. Н. Астафьева, Л. Д. Бевзенко, В. Г. Буданов, Э. Гунциг, И. С. Добронравова, И. В. Ершова-Бабенко, Ю. Л. Климонтович, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, Э. Ласло, Г. Г. Малинецкий, Ю. В. Сачков, Р. Пенроуз, И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен, С. Хокинг, Э. Янч и др.

Один из основоположников новой парадигмальной модели Илья Пригожин в труде «От существующего к возникающему» обозначает главные положения своего учения о времени: «Во-первых, необратимые процессы столь же реальны, как и обратимые, и не соответствуют дополнительным ограничениям, которые нам приходится налагать на законы, обратимые во времени. Во-вторых, необратимые процессы играют существенную роль в физическом мире... В-третьих, необратимость глубоко связана с динамикой» [10, с. 11–12]. Необратимость времени ученый тесно связывает (что традиционно) с эффектом возрастания энтропии, о котором говорится во втором начале термодинамики. Важнейшей задачей этой линии понимания времени было устранение видимого несоответствия между по-

степенным возрастанием энтропии, увенчивающимся в итоге максимальной неупорядоченностью (физическим хаосом), и необратимым упорядочиванием. Это было реализовано через различение закрытых и открытых систем: именно во вторых наблюдаются процессы самоорганизации, во время которых возникают все более сложные диссипативные структуры (термин И. Пригожина). В таком контексте самоорганизация выступает как поэтапный переход от состояния порядка к состоянию хаоса и затем — к новому состоянию порядка [11]. Среди различных «стрел времени», каждая из которых связана с тем или иным эмпирически необратимым процессом (Р. Пенроуз, например, таковых насчитывает семь [8]), следует отметить космологическую «стрелу времени», приобретающую огромную значимость в современной науке.

Осуществленная выше реконструкция сформировавшихся в эпистемах античности, средневековья и Возрождения, а также XVII–XXI вв. парадигм бытия и времени выступает необходимым предэтапом моделирования на метауровне. Несмотря на значительные разночтения в понимании времени в рассмотренных учениях, все они роднятся принципиальной артикуляцией этой категории и темпоральной проблематики вообще на основании тезиса об онто-онтологической фундированности времени. Эту фундаментальную линию философствования, ключевой посыл которой заключается в осмыслении времени как порожденного объективным бытием, потенциями мира (время — «сущее-от-мира»), мы предлагаем обозначить понятием *онтологической парадигмы времени*.

Вместе с тем период XVII–XVIII вв. примечателен зарождением предпосылок формирования принципиально иного постижения этого феномена. Подобная мысль, развиваясь и потенцируя разнообразнейшие интерпретации, к началу XXI в. вылилась в достаточно широко представленную модель, органично сосуществующую с онтологической парадигмой времени, — *антропологическую парадигму времени*. Адептов этой исследовательской программы объединяет указание на определяющую роль *человека* в темпорализации бытия (время — «сущее-от-человека»). Именно посредством его самораскрытия все, ощущающее на себе последствия этого акта и откликающееся на него, становится озаменованным временем. Итак, под антропологической парадигмой времени понимается образцовая модель в виде комплекса убеждений, установок, ориентирующих положений, связывающая временную структуризацию и самого человеческого бытия, и «освоенного» человеком сущего с его деятельностью.

Ключевыми вехами, послужившими историко-философской предпосылкой реконструкции антропологической парадигмы времени, а так-

же во многом определившими характер и вектор ее развития, на наш взгляд, являются философские учения И. Канта, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра.

По замыслу Канта, в новой форме метафизика должна утвердиться уже не столько как учение о бытии, его сущности и формах, сколько как постановка и решение проблемы фундаментальных оснований самой онтологии, ее возможностей и перспектив. А это, в свою очередь, требует обращения к теме сущности человека и его познавательных возможностей. Осуществленный Кантом «антропологический переворот», как мы полагаем, следует оценить как отправной пункт-предпосылка методологической реконструкции антропологической парадигмы времени, поскольку он подготавливает ее по таким позициям:

1) «очеловечивание» метафизики, в том числе антропологизация времени (философ полагает, что «время есть необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний» [4, с. 71]);

2) темпорализация свободы воли. Кантовское постулирование принципа автономии воли, согласно которому источник и механизм осуществления свободы воли в качестве категорического императива заложены в ней самой, темпорализует саму свободу воли, устремляя ее в будущее. Благодаря этому вектору то, что потенцировалось в виде цели в настоящем, в будущем находит свое действительное существование.

Антропологизация времени, заявленная Кантом, в работах экзистенциалистов достигает своего пика. Эти философы одними из первых указывают на то, что время становится качеством мира благодаря человеку и через человека. Время может быть направлено не только от мира к человеку (человек — объект времени), но и от человека к миру (человек — субъект времени), выступать в качестве «сущего-от-человека». Так, Хайдеггер, констатируя невозможность определения бытия через непосильную для человека всеобщность, все же предлагает способ приближения к этой тайне. Постановка и разработка вопроса о бытии требует предварительного формирования способа рассмотрения и толкования, «манеры подхода». Для этого философ вводит категорию *Dasein*, посредством которой обозначает присутствие (человеческое) в бытии, которое оказывается избранным в том смысле, что именно оно становится основой раскрытия бытия и времени («присутствияразмерность»). Через рожденную в экзистенции *Dasein* взаимосвязь трех форм человеческого «теперь» (само «теперь», «тогда» как «теперь-уже-не» и «потом» как «теперь-еще-не») мир обретает темпоральную характеристику. Прошлое и будущее становятся *этапами* целостного континуума времени. Мыслитель по этому поводу пишет: «Время — не многообразии пригнанных друг к другу теперь, поскольку каждое “теперь” в каждом “теперь”

больше уже не есть, поскольку... времени принадлежит удивительная простертость в обе стороны небытия... “Теперь”... имеет в себе *характер перехода*. “Теперь” как таковое есть уже нечто преходящее-переходное» [17, с. 325–326]. Сущностно важным в учении Хайдеггера является понятие временности, то есть времени в исходном смысле, которое испоконвечно задает единство и связанность временных фаз.

Тенденция «очеловечивания» времени в учении Ж.-П. Сартра заложена с помощью принципиального разбавления философии бытия размышлениями о человеческом сознании. Единственно возможным решением вопроса о наличии сущего (о бытии) мыслитель видит постулирование того, что «бытие есть *само по себе*» [12, с. 37]. Он утверждает неприменимость к нему темпоральной характеристики в силу индифферентности к сменам событий. Однако бытие обладает определенной потенцией отрицания (дореклексивного *cogito*), что создает условия возникновения человеческого сознания. Именно благодаря сознанию (бытию-для-себя), являющемуся средоточием свободы, появляется не только возможность отклика на само бытие (бытие-в-себе), но и стремление овладеть им. Сознание придает бытию качественную выраженность, в том числе и через параметр времени. В определенной мере наследуя идеи Хайдеггера, Сартр недвусмысленно указывает на конституирование времени деятельностью личности. Именно человек через своеобразное «присваивание» создает временную синтетичность модусов прошлого, настоящего и будущего, организуя их в единую темпоральную цепь [12].

Итак, в статье осуществлено двухэтапное эпистемно-парадигмальное моделирование. На первом этапе были выявлены парадигмы бытия и времени эпистем античности, средневековья и Возрождения, XVII — нач. XXI вв. Дальнейшее обобщение позволило осуществить моделирование на метауровне: отследив общий профиль онтико-онтологической артикулированности рассмотренных подходов к проблеме времени, мы реконструировали фундаментальную традицию рассмотрения темпоральной проблематики — *онтологическую парадигму времени*. На основании постнеклассического посыла о возможности сосуществования (а не только взаимоисключения) парадигм, нами также была осуществлена реконструкция конкурентной линии философствования о времени — *антропологической парадигмы времени*. Посильным вкладом автора в развитие антропологической парадигмы времени являются концепции антропного времени и человеческой истории [18]. Полагаем, что артикуляция времени как «человекомерной» категории позволит адекватнее осмыслить течение исторического процесса в его антропном ракурсе.

1. В статье показаны методологические возможности эпистемно-парадигмального моделирования времени. Парадигмы бытия и времени, рассмотренные в постнеклассическом смысле — как одно из возможных решений той или иной проблемы, целесообразно выявлять и обосновывать с учетом эпистемного контекста, то есть эпохальных отношений различного рода, которые структурно определяют основные культурные вообще и эпистемологические в частности ориентации, способы артикуляции проблем и конкретные дискурсивно-практические варианты их реализации.

2. Выявлена и реконструирована линия мысли, концептуальным положением которой является тезис о времени как производной самого мироздания (время — «сущее-от-мира»), — онтологическая парадигма времени. Показано, что сформировавшиеся в эпистемных условиях соответствующих эпох представления о времени имели ярко выраженную онтологическую окраску, поскольку вытекали из парадигм бытия как их следствия. Так, порожденные античной эпистемой парадигмы статичности и динамичности ведут к позициям элиминации времени (первая) и, наоборот, позиционирования временной, событийной структуры мира (вторая). В эпистеме средневековья и Возрождения фундаментально выделяются теистическая и пантеистическая модели мысли. В рамках теистической парадигмы имеющими временной характер полагаются созданные Всевышним объекты мира и физическая сфера в целом в противоположность самому Богу как обладающему атрибутом вечности. Пантеистическая парадигма, в свою очередь, сквозь призму категории вечного подает сам мир, на фоне которого темпорально ознаменованными являются формы, в которых проявляется субстанция — обожествленная природа.

3. Через анализ темпоральной проблематики в эпистеме XVII – нач. XXI вв. обосновано, что концепции времени этого периода сами выступили как полноценные онтологические парадигмы времени (субстанциальная и реляционная модели, а также парадигмы обратимости и необратимости времени). Согласно субстанциальной модели, время (как и пространство) — абсолютная субстанция, вместилище бытия, а согласно реляционной парадигме — относительный параметр: ход физических процессов и ход часов (течение времени) замедляются с увеличением скорости движения тела (СТО), в то же время воздействие силы тяготения приводит к искривлению временного и пространственного показателей (ОТО). Парадигма необратимости времени (доминирующая модель постнеклассического этапа развития естествознания) сменила господствовавшую на классическом и неклассическом этапах пара-

дигму обратимости. Основанием аргументации в пользу положения об одновекторности времени является ряд эмпирически необратимых процессов.

4. Установлено, что одними из ключевых вех в эпохальном перевороте в традиции осмысления времени и, в итоге, в становлении новой — антропологической — линии его толкования являются взгляды И. Канта, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра. Осуществленный Кантом «антропологический переворот» подготавливает методологическую реконструкцию антропологической парадигмы времени (время — «сущее-от-человека») принципиальной «антропологизацией» метафизики и темпорализацией свободы воли (что использовано нами в концепции антропного времени и исторического процесса). Учения Хайдеггера о человеческом присутствии в бытии (*Da-sein*) и Сартра о конституировании времени человеческим сознанием (бытием-для-себя) выступили весомым основанием делегирования человеку особой функции — функции темпорализации мира.

5. Полученные результаты будут использованы нами в дальнейшей методологической реконструкции антропологической парадигмы времени путем углубления концепции антропного времени и исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антология мировой философии*. В 4 т. Т. 1, ч. 1 и 2 : Философия древности и средневековья / АН СССР, Ин-т философии ; ред. коллегия: В. В. Соколов [и др.]. — М. : Мысль, 1969. — 936 с. — (Философское наследие).
2. *Аристотель*. Физика / Аристотель ; [пер. с древнегреч. В. П. Карпова] // Соч. : в 4 т. / АН СССР, Ин-т философии. — М. : Мысль, 1976–1983. — Т. 3 / ред., авт. вступ. ст. и примеч. И. Д. Рожанский. — 1981. — С. 59–262.
3. *Бруно Дж.* Изгнание торжествующего зверя / Джордано Бруно ; пер. с ит., вступ. ст. и примеч. А. Золотарева. — СПб. : Огни, 1914. — 224 с.
4. *Кант И.* Критика чистого разума / Иммануил Кант ; пер. с нем. Н. Лосского ; сверен и отред. Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. — М. : Эксмо, 2011. — 736 с. — (Антология мысли).
5. *Кун Т.* Структура научных революций / Томас Кун ; пер. с англ. И. З. Налетова ; общ. ред. и послесл. С. Р. Микунинского и Л. А. Марковой. — [2-е изд.]. — М. : Прогресс, 1977. — 304 с.
6. *Материалисты Древней Греции*. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. и вступ. статья М. А. Дынника. — М. : Политиздат, 1955. — 238 с.
7. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии / И. Ньютон ; под ред. Л. С. Полака ; пер. с лат. и коммент. А. Н. Крылова, предисл. Л. С. Полака. — М. : Наука, 1989. — 689 с.
8. *Пенроуз Р.* Сингулярности и асимметрия по времени / Р. Пенроуз // *Общая теория относительности* : пер. с англ. / под ред. С. Хокинга и В. Израэля. — М. : Мир, 1983. — С. 233–295.
9. *Платон*. Тимей / Платон ; пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // *Избранные диалоги / Платон* ; сост. и коммент. В. В. Шкоды. — М. : АСТ, 2004. — С. 400–480 с.
10. *Пригожин И.* От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках / Илья Пригожин ; пер. с англ. Ю. А. Данилова ; под ред. Ю. Л. Климонтовича. — М. : Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1985. — 328 с.
11. *Пригожин И. Р.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова ; общ. ред. и послесл. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. — М. : Книга по Требованию, 2012. — 430 с.
12. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; [пер. с франц., предисл. В. И. Колядко ; примеч. В. И. Колядко, Р. К. Медведевой]. — М. : Республика, 2004. — 639 с. — (Мыслители XX века).
13. *Святый Августин*. Сповідь / Августин Аврелий ; пер. з латин. Ю. Мушака ; післямова С. Здіорука. — К. : Основи, 1999. — 319 с.
14. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1–43 / Фома Аквинский ; пер. с латинского С. Еремеева и А. Юдина. — К. : Ника-Центр, Эльга ; СПб. : Алетейя, 2007. — 560 с.
15. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Мишель Фуко ; пер. с франц. В. П. Визгин, Н. С. Автономова ; [вступ. статья Н. С. Автономовой]. — СПб. : А-сид, 1994. — 405, [1] с.
16. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Мартин Хайдеггер ; [пер. с нем., примеч. В. В. Бибихина]. — 3-е изд., испр. — СПб. : Наука, 2006. — 452 с.
17. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии : Марбургские лекции летнего семестра 1927 года, изданные Фридрихом-Вильгельмом фон Херманном / М. Хайдеггер ; пер. с нем. А. Г. Чернякова ; [ред. Б. В. Останин]. — СПб. : Высш. рел.-филос. школа, 2001. — 446 с.
18. *Ханжи В. Б.* Парадигмы времени: от онтологического к антропологическому пониманию : монография / В. Б. Ханжи. — Херсон : Гринь Д. С., 2014. — 360 с.
19. *Ханжи В. Б.* Эпистемно-парадигмальное моделирование как методологическое основание исследования времени / В. Б. Ханжи // *Интегративна антропология*. — 2015. — № 2. — С. 13–19.
20. *Эйнштейн А.* Теория относительности / А. Эйнштейн // *Собрание научных трудов*. В 4 т. / под ред. И. Е. Тамма [и др.]. — М. : Наука, 1965–1967. — (Классики науки). — Т. 1 : *Работы по теории относительности, 1905–1920*. — 1965. — С. 175–186.
21. *Эйнштейн А.* Теория относительности / Альберт Эйнштейн // *Собрание научных трудов*. В 4 т. / под ред. И. Е. Тамма [и др.]. — М. : Наука, 1965–1967. — (Классики науки). — Т. 1 : *Работы по теории относительности, 1905–1920*. — 1965. — С. 410–424.

Поступила 10.10.2016

Рецензент д-р философ. наук, проф. И. А. Донникова